

УДК 343.2.01

DOI: 10.17223/22253513/25/7

Ф.В. Грушин

РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Рассматриваются различные аспекты влияния религиозного состояния общества на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, уголовно-исполнительное законодательство, религия, уголовно-исполнительная система, факторы.

Десятилетиями складывающаяся система средств исправления осужденных в настоящее время не отвечает современным реалиям в сфере исполнения уголовных наказаний. Во-первых, это связано с тем, что в действующем УИК РФ содержатся далеко не все имеющиеся средства исправления (например, отсутствует социальная и психологическая работа с осужденными), а во-вторых, труд осужденных, который десятилетиями использовался если не как единственное, то, как минимум, самое основное средство исправления, в современных рыночных экономических условиях не справляется с выполнением своей функции. Это подтверждается данными статистики. Если в советский период доля осужденных к лишению свободы, обеспеченных трудом приближалась к 100 %, то впоследствии она постоянно снижалась и по данным переписи 2009 г. достигла рекордно низких показателей – 50,7 % у осужденных женщин и 37,2 % у осужденных мужчин [1. С. 436]. Все это негативным образом сказывается на исправлении осужденных. Таким образом, когда труд осужденных утрачивает свое значение в современных рыночных условиях, необходимо повышать воспитательный потенциал наказания, в том числе и за счет религиозного просвещения осужденных с помощью религиозных организаций.

Важной составляющей духовной жизни общества является религия, понимаемая как «определенная система взглядов, свод моральных норм и правил поведения, которые поддерживаются верой в существование “иного” трансцендентного начала, сверхъестественного существа – Бога, разумно сотворившего и творящего все материальные и духовные формы бытия, а также наличие определенных ритуалов и религиозных культов, обеспечивающих связь человека с Богом» [2. С. 51].

Однако степень ее влияния на политику, в том числе в сфере исполнения наказаний и обеспечивающее ее реализацию законодательство, во многом зависит от отношения государства к этому элементу духовной сферы жизни общества.

История религиозного воздействия на осужденных в нашей стране достаточно противоречива, но вместе с тем позволяет утверждать о значимости и необходимости религиозного воздействия в процессе исправления осужденного и влияния на уголовно-исполнительную политику и законодательство (далее – УИПиЗ). Достаточно отчетливо оно проявлялось в дореволюционной России. Проникновение религиозных воззрений в пенитенциарную практику было отмечено еще на раннефеодальном этапе развития общества, и в дальнейшем результаты их воздействия становились все более отчетливыми, что со временем нашло свое выражение в законодательстве [3. С. 215]. Так, определяя статус созданного в 1819 г. Попечительного общества о тюрьмах, самодержец в качестве одной из целей его деятельности выделял наставление осужденных в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, на этом основанной.

Действовавшие в тюрьмах попечительские комитеты обеспечивали равный доступ к осужденным представителей всех конфессий, представленных в Российской империи, в частности, правом миссионерской деятельности обладали католики. При этом не испытывали притеснений и не подвергались ущемлениям свободы совести и права на выбор вероисповедания схизматы и раскольники (старообрядцы) и представители различных религиозных сект, находящиеся в местах лишения свободы [Там же. С. 216–217].

В дореволюционной России привитие религиозных ценностей признавалось неотъемлемой частью работы с осужденными, поскольку конечная цель наказания в виде исправления понималась «в смысле религиозно-нравственного перерождения наказываемого» [4. С. 62]. Религиозное воспитание рассматривалось и как неотъемлемая часть систем исполнения наказаний, реализуемых в этот период за рубежом, например, в пенсильванской и оборнской системе отбывания наказания религиозное воспитание было практически единственным средством исправления.

В советский период, несмотря на изначальное провозглашение права исповедовать любую религию или не исповедовать никакой при признании возможности свободного исполнения религиозных обрядов, обеспечиваемой постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики [5], сложились открыто враждебные отношения государства и церкви, повлекшие массовое разрушение храмов. Уничтожение духовенства как социального слоя повлекло вытеснение религии из общественной жизни, а следовательно, и из жизни осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы [6], что обусловило исключение религии из числа факторов, оказывающих влияние на политику в сфере исполнения наказания.

Ситуация стала меняться в конце 80-х гг., когда начался процесс постепенного возвращения религии в социально-культурную жизнь населения и повышения ее значимости в повседневной жизни. Принятие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. № 268-1 [7], а также последующее закрепление в Конституции РФ свободы совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию либо не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и

действовать в соответствии с ними (ст. 28) при одновременном признании идеологического многообразия (ст. 13), запрета устанавливать какую-либо религию в качестве государственной или обязательной (ст. 14), обусловили признание свободы совести и свободы вероисповедания в качестве элемента правового статуса осужденных (ст. 14 УИК РФ). Этому также способствовала ориентация процесса реформирования уголовно-исполнительной системы на соответствие деятельности по исполнению наказания международным стандартам, которые предполагают, что в пределах осуществимого каждый заключенный должен иметь возможность удовлетворять свои религиозные потребности, участвуя в религиозных обрядах в стенах его заведения и имея в своем распоряжении религиозные писания, свойственные его вероисповеданию (ст. 42 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1957 г.).

Следует заметить, что для большинства пенитенциарных систем государств-членов ЕС в настоящее время характерно активное взаимодействие исправительных учреждений с религиозными конфессиями и миссионерскими организациями. В частности, при поддержке государства в тюрьмах Италии, Германии, Великобритании и Голландии действует институт тюремного священства. В Финляндии деятельность тюремных капелланов непосредственно финансируется государством. В то же время в ряде государств деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях ограничена или запрещена. Так, в Казахстане законодательно запрещено проведение богослужений, религиозных обрядов, церемоний и собраний, а также миссионерская деятельность на территории и в зданиях государственных органов. Согласно ч. 4 ст. 7 Закона Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [8] к лицам, находящимся в учреждениях, исполняющих наказания, по их просьбе или их родственников священнослужители религиозных объединений, зарегистрированных в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан, приглашаются в случае ритуальной необходимости. Во Вьетнаме вообще установлен категорический запрет на общение осужденных со священнослужителями любых конфессий [9. С. 27].

Еще одним аспектом в пользу эффективности религиозного воздействия на исправление осужденных являются статистические данные, показывающие предрасположенность осужденных к религиозному воздействию. В переписи осужденных 1994 г. впервые был поставлен вопрос об их отношении к религии. Учитывая атеистическое советское прошлое, результат был скорее неожиданным, поскольку лишь 76,7 % осужденных отнесли себя к неверующим, а в дальнейшем эта цифра стала неуклонно снижаться: в 1999 г. она составила 63,2 %, а в 2009 – уже 26,4 %. Причем доля женщин, считающих себя атеистами, существенно меньше и составляет 21 % против 31,8 % среди мужчин.

Складывающаяся ситуация коррелирует с общими тенденциями, проявляющимися в обществе. По крайней мере, согласно данным опросов компании «Левада-центр», если в 1991 г. верующими себя называли немногим более 30 % граждан, в 2000 г. – примерно половина, то в 2012 г. – более 75 % жителей страны. О полном неверии в Бога заявили лишь 10 % опрошенных.

При этом с возрастом религиозность постепенно растет (18–24 года – 29 %, 25–39 лет – 38 %, 40–54 года – 44 %, 55 лет и старше – 49 %) [10].

Однако, несмотря на эти, безусловно, позитивные изменения, нельзя не учитывать тех проблем, которые неизбежно возникают из-за трансформаций, происходящих в настоящее время в этой сфере духовной жизни. С одной стороны, для политических систем в современном обществе характерен сдвиг от харизматического и традиционного господства религии к рационально-легитимному, разумно узаконенному, при котором взаимопроникновение, взаимодействие религии и политики проявляется в иных формах и на более высоком уровне, чем в прошлом. Некоторые специалисты говорят скорее о политизации религии, проявляющейся в повышении активности религиозных организаций в решении значимых для общества и государства вопросов [11. С. 60]. Одним из них, безусловно, является исправление осужденных.

С другой стороны, в условиях глобализации произошла плюрализация религиозной ситуации, которая в настоящее время характеризуется ростом разнообразия религий, приватизацией и субъективизацией религиозных учений, появлением новых религий, сопровождающаяся не только трансформацией самой религии, форм ее проявления в обществе, но и деятельности религиозных институтов, принципов организации религиозных сообществ. В этих условиях создаются предпосылки для падения авторитета организованной религии, изменений в ее институциональной организации, кризиса исторических церквей, а также распространения различных маргинальных течений, в том числе экстремистского толка. Об этом свидетельствует резкий рост доли независимых церквей, занимающих сегодня второе место по числу последователей среди всех христианских конфессий, а также расширение числа самостоятельных течений в исламе.

Государство в подобной ситуации оказывается перед непростым выбором. С одной стороны, его светский характер, провозглашенный в ст. 7 Конституции РФ, а также признание права на свободу вероисповедания требуют дистанцироваться от соответствующего выбора. С другой – крайний религиозный плюрализм, ограничиваемый лишь возможностью дистанцироваться от деятельности местных религиозных организаций, а также организаций, деятельность которых официально запрещена на основании судебного решения, создает угрозу распространения среди осужденных деструктивных религиозных идей, которые могут проникать в исправительные учреждения по-разному. Так, в свое время был выявлен факт установки в исправительных учреждениях Тульской области спутниковых тарелок, через которые помимо прочего транслировался спутниковый телеканал «ТБН» (учрежден Ассоциацией христианских церквей «Союз христиан») [12]. Кроме того, служителями культа традиционных для России религий периодически отмечаются проявления прозелитизма, заключающегося в использовании средств давления на человека с целью его обращения в свою веру или перехода из одной религии в другую – со стороны представителей ряда религиозных организаций.

Особое значение в этих условиях приобретает совершенствование процесса взаимодействия зарегистрированных в установленном порядке централизованных религиозных организаций и уголовно-исполнительной системы. Как указано в Основах социальной концепции Русской Православной церкви,

принятых на Архиерейском Соборе в 2010 г., «исполняя свое служение в местах лишения свободы, Церковь должна устроить там храмы и молитвенные комнаты, совершать Таинства и богослужения, проводить пастырские беседы с заключенными, распространять духовную литературу. При этом особенно важен личный контакт с лишенными свободы, включая посещение мест их непосредственного нахождения» [13].

Основные направления по реализации данных положений были, в частности, обозначены в документе, принятом 12 марта 2013 г. на заседании Священного Синода (журнал № 27) под названием «Миссия тюремного служения Русской Православной церкви и пенитенциарные учреждения» [14]. Согласно ему она состоит: в духовно-просветительской деятельности, предполагающей проведение духовно-просветительских бесед в местах принудительного содержания; организацию воскресных школ, создание и пополнение библиотек и медиатек при тюремных храмах, катехизацию среди заключенных, дистанционное религиозное образование; в богослужебной деятельности и пастырском душепопечении, опирающемся на организацию религиозных общин и оборудование молитвенных помещений для заключенных, сооружение тюремных храмов, создание при тюремных храмах религиозных организаций и т.п.

Таким образом, в нормативных документах РПЦ прослеживается заинтересованность и желание оказать помощь в реализации государственной функции по исполнению уголовных наказаний. Еще одним документом в данном русле следует рассматривать подписанное 22 февраля 2011 г. Соглашение о сотрудничестве между Федеральной службой исполнения наказаний России и Русской Православной церковью [15]. Предметом Соглашения является сотрудничество сторон в области удовлетворения духовных потребностей работников уголовно-исполнительной системы и членов их семей, курсантов образовательных учреждений ФСИН России, обеспечения конституционных прав на свободу совести, свободу вероисповедания, духовное окормление, образование и духовно-нравственное просвещение лиц, осужденных к лишению свободы, и лиц, заключенных под стражу.

Следует согласиться с В.Г. Лещенко, которая утверждает, что «...церковь за многолетний период своей кариативной деятельности в пенитенциарных учреждениях аккумулировала большой опыт в области социальной работы и духовного окормления заключенных, наработала апробированные на практике эффективные технологии перевоспитания, ресоциализации, общественной адаптации и методики исправительно-преобразовательной активности» [16. С. 170]. Не использовать существующий опыт церкви в работе с осужденными по их исправлению было бы крайне недальновидно и контрпродуктивно.

В результате воздействия данного фактора соответствующие изменения стали проявляться в УИПиЗ. В частности, Концепция развития УИС до 2020 г. предполагает использование потенциала религиозных конфессий в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных и работников уголовно-исполнительной системы, а также для социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, что требует активизации взаимодействия с традиционными конфессиями, в частности, обеспечения осужден-

ным возможности участия в религиозных обрядах, реализации совместных с традиционными конфессиями гуманитарных проектов.

С целью практической реализации ее положений, в результате совместной деятельности в рамках Соглашения о сотрудничестве между Русской Православной церковью и Федеральной службой исполнения наказаний, а также с учетом мнения научного сообщества и практических работников был принят Федеральный закон от 20 апреля 2015 г. № 103-ФЗ [17]. Данный закон направлен на совершенствование духовно-нравственного воспитания осужденных и обеспечение возможности их участия в религиозных обрядах и церемониях. В целях обеспечения свободы вероисповедания в условиях, требующих неуклонного соблюдения правил внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказания, были конкретизированы положения об условиях проведения религиозных обрядов и церемоний (преимущественно касающихся вопроса места их проведения) в зависимости от вида отбываемого наказания. Кроме того, были закреплены порядок и различные формы взаимодействия органов УИС с зарегистрированными в установленном порядке религиозными организациями в сфере просветительной и воспитательной работы среди осужденных, в создании благоприятных условий для проведения представителями религиозных организаций в исправительных учреждениях духовно-нравственных бесед, совершения различных обрядов и богослужений, включая проведение осужденными встреч со священнослужителями, что направлено на гуманизацию условий содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов.

В целях определения единообразного подхода к порядку заключения и содержанию соглашений о взаимодействии, заключаемых территориальными органами УИС, число которых уже превысило 80, было установлено, что обязательные требования к их содержанию утверждаются федеральным органом исполнительной системы, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. Соответственно Минюст России утвердил требования к содержанию заключаемых в этих целях соглашений [18], которыми, помимо прочего, определяются пообъектный перечень выделенных зданий (сооружений, помещений), в которых осужденным и священнослужителям разрешается проведение религиозных обрядов и церемоний, пользование предметами культа и религиозной литературой; время (график) проведения религиозных обрядов и церемоний; фамилии, имена, отчества священнослужителей, наделенных правом проведения религиозных обрядов и церемоний; перечень предметов культа и религиозной литературы, которые могут быть использованы при осуществлении религиозных обрядов и церемоний на территории учреждений УИС.

Важнейшим направлением деятельности религиозных организаций, реализуемым совместно с администрацией исправительных учреждений, становится реализация духовно-нравственного потенциала тюремного служения представителей традиционных религий России в процессе противодействия прозелитизму и вербовке адептов неоязычества,

радикального ислама, псевдорелигиозного экстремизма и терроризма, а также профилактике их негативного воздействия на осужденных в местах отбывания уголовного наказания.

Рассмотрение этой проблемы на уровне уголовно-исполнительной политики обусловило обращение к ней на Международной научно-практической конференции по взаимодействию Русской Православной церкви с государственной системой исполнения наказаний, проводившейся 29–30 сентября 2016 г. в Академии ФСИН [19].

Заслуживает отдельного рассмотрения вопрос о специфике проявления религиозного фактора при проведении уголовно-исполнительной политики и ее отражении в законодательстве. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что законодатель не выделяет так называемые традиционные религиозные объединения и исходит из конституционного принципа равенства всех религиозных объединений перед законом, однако допускает заключение таких соглашений только с централизованными религиозными организациями, т.е. организациями, состоящими не менее чем из трех местных религиозных организаций. Подобный подход представляется вполне оправданным во избежание проникновения в исправительные учреждения сомнительных религиозных учений, не получивших достаточного признания.

В этих условиях обоснованное опасение специалистов вызывает распространение в исправительных учреждениях радикализма и религиозного экстремизма в местах лишения свободы. По словам В.В. Меркурьева, вербовка в исправительных учреждениях России осужденных для последующего (постпенитенциарного) их использования в террористической и иной насильственной экстремистской деятельности стала сравнительно новым, но приобретающим устойчивый характер криминальным явлением [20].

Учитывая достигнутый в последнее время уровень участия религиозных организаций в деле исправления осужденных, можно сделать вывод о том, что религиозное воздействие является хотя и не нормативным, но весьма действенным средством исправления осужденных. Вместе с тем законодательное закрепление религиозного воспитания именно как основного средства исправления осужденных нам представляется не совсем правильным с юридической точки зрения. Во-первых, Российская Федерация является светским государством в соответствии со ст. 14 Конституции РФ, и никакая религия не может устанавливаться в качестве обязательной. Во-вторых, участие осужденного в исправительных мероприятиях учитывается при применении к нему мер поощрений и взысканий, изменении условий отбывания наказания, условно-досрочного освобождения и др. Отказ осужденного от религиозного воздействия не должен быть основанием для какой-либо дискриминации или ущемления его прав и законных интересов.

Поэтому оптимальной, на наш взгляд, была бы формулировка, предложенная авторами общей части нового УИК РФ [21. С. 98], где религиозное просвещение рассматривается в рамках воспитательной работы с осужденными, которая, в свою очередь, является основным средством исправительного воздействия на осужденных. При этом религиозное просвещение, исходя из предложенных авторами абсолютно обоснованных формулировок (использование термина «может»), не относится напрямую к основным средст-

вам исправительного воздействия. То есть отказ от религиозного просвещения осужденным не будет являться основанием для непредставления ему, например, условно-досрочного освобождения как лицу, не участвующему в проводимых исправительных мероприятиях. Кроме того, на наш взгляд, в целях законодательного закрепления централизованные религиозные организации должны быть упомянуты в статье УИК РФ, которая регулирует общественное воздействие на осужденных.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. В современных рыночных экономических отношениях исправительный потенциал труда как основного средства исправления отходит на второй план. В связи с этим необходимо повышать воспитательный потенциал наказания. Одним из вариантов такого повышения должно стать усиление роли воспитательного воздействия за счет религиозного просвещения осужденных.

2. С учетом исторического развития нашего государства, зарубежного опыта исполнения наказаний, международных стандартов обращения с осужденными, имеющегося опыта взаимодействия церкви и тюремной системы, а также некоторой предрасположенности у осужденных религиозное просвещение осужденных представляется крайне необходимым и перспективным средством исправительного воздействия.

3. Понимая важность религиозного просвещения в деле исправления осужденных, необходимо его нормативно закрепить в новом УИК РФ. При этом религиозное просвещение не должно быть основным средством исправительного воздействия, учитывающимся при применении к осужденному тех или иных мер, а рассматриваться в рамках воспитательной работы с осужденными. Кроме того, централизованные религиозные организации должны быть упомянуты в статье УИК РФ, которая регулирует общественное воздействие на осужденных.

4. Угроза распространения религиозного экстремизма среди осужденных обуславливает важность включения вопросов борьбы с ним в современную уголовно-исполнительную политику, а также создания необходимого для ее осуществления правового инструментария.

Литература

1. *Осужденные и содержащиеся под стражей в России: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г.* / под общ. ред. Ю.И. Калинина; под науч. ред. В.И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2012. 939 с.
2. *Омарова З.А.* Религия и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 50–55.
3. *Тасаков С.В.* Религия и ее роль в духовно-нравственном исправлении осужденных к лишению свободы // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2.
4. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Городец, 2000. 464 с.
5. *Об отделении церкви от государства и школы от церкви:* Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.
6. *Матвеев В.Е.* Становление и развитие общественного воздействия в системе основных средств исправления осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 2. С. 31–33.
7. *Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР.* 1990. № 21. Ст. 241.

8. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690#pos=1;-327 (дата обращения: 12.03.2017).
9. Яворский М.А. Роль религиозных объединений в механизме исправления осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 2.
10. <http://www.levada.ru/2008/03/10/a-a-golov-religioznost-a-takzhe-chto-lyudi-obretayut-v-religii/> (дата обращения: 12.03.2017).
11. Куприянова Г.М. Взаимодействие религиозной и политической сфер общества: история и современность // Весник БДУ. 2011. Сер. 3. № 2. С. 57–60.
12. <http://www.sektainfo.ru/sekty-v-tule-i-oblasti/sekty-i-okkultizm-v-tule/sekta-panovyh/> (дата обращения: 12.03.2017).
13. <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 12.01.2017).
14. <http://www.patriarchia.ru/db/text/2843078.html> (дата обращения: 12.01.2017).
15. <http://www.patriarchia.ru/db/text/1414730.html> (дата обращения: 12.01.2017).
16. Леценко В.Г. Диалектика развития религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы в российском государстве // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 165–170.
17. *Собрание законодательства РФ*. 2015. № 17 (ч. IV). Ст. 2478.
18. *Требования к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов уголовно-исполнительной системы с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями*: утв. приказом Минюста России от 21.03.2016 № 67 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 19.
19. http://www.apu.fsin.su/area/scientific_activities/smu/konf/a_k.php (дата обращения: 13.01.2017).
20. Меркурьев В.В. Координация деятельности правоохранительных органов по пресечению и предупреждению экстремистской деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России // <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2014/12/Doklad-Merkureva-v-Akademii-FSIN-Rossii-27-28.11.2014.pdf> (дата обращения: 12.03.2017).
21. *Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования* / под ред. В.И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. 328 с.

Grushin Fedor V. Academy of the Federal penitentiary service of Russia (Ryazan, Russian Federation)
RELIGIOUS CONDITION OF SOCIETY AS THE FACTOR DEFINING THE DEVELOPMENT OF PENAL POLICY AND PENAL LEGISLATION

Keywords: penal policy, penal legislation, religion, penal correction system, factors.

The question of the analysis of reasons and conditions defining the development and functioning of legislative system is a topical one both in the theory of law and in branch legal sciences. A religious condition of society acts as one of the social factors defining the development of penal policy and legislation.

Under modern market conditions, the work of convicts gradually loses its significance. In this regard, it is necessary to increase the educational potential of punishment including a religious enlightenment of convicts by means of religious organizations.

In pre-revolutionary Russia, religious education was considered an integral part of work with convicts. During the Soviet period of development of our state, there were openly hostile relations between the state and church that resulted in extrusion of religion out of public life and consequently, the life of convicts serving sentence in the form of imprisonment. The situation began to change in the late eighties when the process of gradual return of religion into social – cultural life of the population and increase of its importance in everyday life started.

Now, in the context of international policy concerning prisoners, religious impact on convicts is considered a part of modern penal policy in the Russian Federation. This finds its reflection in current penal legislation and the changes made to it, the Concept of development of penal correction system until 2020, and in various manifestations of cooperation between the penal correction system and centralized religious organizations registered in accordance with the established procedure.

Realization of spiritual and moral potential of prison ministration of representatives of traditional religions of Russia in the course of counteraction to proselytism and recruitment of adherents of Neopaganism, radical Islam, pseudo-religious extremism and terrorism, as well as prevention of their negative impact on convicts becomes the most important activity of religious organizations.

Taking into account the achieved level of participation of religious organizations in correction of convicts, it is possible to conclude that although law does not regulate religious impact it is a very effective cure of convicts and one of the factors, which influences the penal policy and legislation of the Russian Federation.

References

1. Kalinin, Yu.I. (ed.) (2012) *Osuzhdennye i sodержashchiesya pod strazhey v Rossii: po materialam spetsial'noy perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsya pod strazhey, 12–18 noyabrya 2009 g.* [Convicts and detainees in Russia: according to the materials of the special census of convicts and detainees, November 12–18, 2009]. Moscow: Yurisprudentsiya.
2. Omarova, Z.A. (2012) Religion and the state: constitutional-legal basis of interaction. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 5. pp. 50–55. (In Russian).
3. Tasakov, S.V. (2012) *Religiya i ee rol' v dukhovno-nravstvennom ispravlenii osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Religion and its role in the spiritual and moral correction of prisoners sentenced to imprisonment]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2.
4. Foyntskiy, I.Ya. (2000) *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The Doctrine of Punishment in Connection with Prison Studies]. Moscow: Gorodets.
5. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1918) *Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi: Dekret SNK RSFSR ot 23.01.1918* [On the separation of the church from the state and the school from the church: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of January 23, 1918]. *SU RSFSR*. 18. Art. 263.
6. Matveenko, V.E. (2006) Stanovlenie i razvitie obshchestvennogo vozdeystviya v sisteme osnovnykh sredstv ispravleniya osuzhdennykh [Formation and development of social influence in the system of fixed means for the correction of convicts]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*. 2. pp. 31–33.
7. *Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR*. (1990). 21. Art. 241.
8. Kazakhstan. (2011) *Law of the Republic of Kazakhstan of 11 October 2011 No. 483-IV, On Religious Activities and Religious Associations (as amended on December 11, 2016)*. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690#pos=1;-327. (Accessed: 12th March 2017). (In Russian).
9. Yavorskiy, M.A. (2014) The role of religious associations in the system of correction of convicts. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*. 2. (In Russian).
10. Golov, A.A. (2008) *Religioznost', a takzhe chto lyudi obretayut v religii* [Religiousness, and what people acquire in religion]. [Online] Available from: <http://www.levada.ru/2008/03/10/a-a-golov-religioznost-a-takzhe-chto-lyudi-obretayut-v-religii/>. (Accessed: 12th March 2017).
11. Kupriyanova, G.M. (2011) *Vzaimodeystvie religioznoy i politicheskoy sfer obshchestva: istoriya i sovremennost'* [Interaction of the religious and political spheres of society: history and modern times]. *Vestnik BDU. Ser. 3*. 2. pp. 57–60.
12. Sekta.info. (n.d.) *Sekta Panovykh ("Tserkov' Novogo Zaveta", "Tserkov' Usynovlenie")* [The Panov sect ("The Church of the New Testament", "The Adoption Church")]. [Online] Available from: <http://www.sektainfo.ru/sekty-v-tule-i-oblasti/sekty-i-okkultizm-v-tule/sekta-panovykh/>. (Accessed: 12th March 2017).
13. Russian Orthodox Church. (2008) *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Basis of the social concept of the Russian Orthodox Church]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>. (Accessed: 12th January 2017).
14. Russian Orthodox Church. (2013) *Missiya tyuremnogo sluzheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi i penitentsiarnye uchrezhdeniya* [Mission of the prison service of the Russian Orthodox Church and penitentiary institutions]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2843078.html>. (Accessed: 12th January 2017).
15. Russian Orthodox Church. (2011) *Podpisano Soglasenie o sotrudnichestve mezhdue Federal'noy sluzhboy ispolneniya nakazaniy Rossii i Russkoy Pravoslavnoy Tserkov'yu* [The Agreement on cooperation between the Federal Service for the Execution of Punishments of Russia and the Russian

Orthodox Church has been signed]. [Online] Available from: [http:// www.patriarchia.ru/ db/ text/ 1414730.html](http://www.patriarchia.ru/db/text/1414730.html). (Accessed: 12th January 2017).

16. Leshchenko, V.G. (2011) *Dialektika razvitiya religioznogo vozdeystviya na osuzhdennykh k lisheniyu svobody v rossiyskom gosudarstve* [Dialectics of the development of religious influence on prisoners sentenced to imprisonment in the Russian state]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4. pp. 165–170.

17. *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. (2015) 17 (Part IV). Art. 2478.

18. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2016) Requirements for the content of agreements on the interaction of the Federal Penitentiary Service of Russia and the territorial bodies of the penitentiary system with centralized religious organizations registered in accordance with the established procedure: Order № 67 of the Ministry of Justice of Russia of March 21, 2016. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti*. 19. (In Russian).

19. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. (2016) *Announcement about the Fourth International Conference on the Interaction of the Russian Orthodox Church with the State System for the Execution of Sentences*. [Online] Available from: [http://www. apu.fsin.su/ area/scientific_activities/smu/konf/a_k.php](http://www.apu.fsin.su/area/scientific_activities/smu/konf/a_k.php). (Accessed: 13th January 2017). (In Russian).

20. Merkuriev, V.V. (2014) *Koordinatsiya deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po pre-secheniyu i preduprezhdeniyu ekstremistskoy deyatel'nosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh FSIN Rossii* [Coordination of the activities of law enforcement agencies in suppressing and preventing extremist activities in correctional facilities of the FSIN of Russia]. [Online] Available from: <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2014/12/Doklad-Merkureva-v-Akademii-FSIN-Rossii-27-28.11.2014.pdf>. (Accessed: 12th March 2017).

21. Seliverstov, V.I. (ed.) (2017) *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The General Part of the New Penal Enforcement Code of the Russian Federation: the results and justification of theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.